

М.Н. Сербул

Название

Народ в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» — самостоятельное действующее лицо, а не просто фон, на котором разворачиваются события. Народ представляет собой собирательное понятие, обозначенное как вводными ремарками («Народ», предваряющими массовые сцены «Красная площадь», «Девичье поле. Новодевичий монастырь», «Площадь перед собором в Москве»), так и ремарками, обозначающими действия и реакции Народа («расходятся», «на коленях. Вой и плач», «шум народный», «несется толпою», «в ужасе молчит», «безмолвствует»). Народ — это и отдельные люди из толпы со своими репликами и личным взглядом на происходящее. Эти персонажи, как правило, не имеют имен, за исключением юродивого Николки, и обозначены «один», «другой», «третий», «баба», «старуха», «мальчишка», «нищий», «мужик на амвоне». Все реплики персонажей из толпы, несмотря на разнонаправленность, сливаются воедино, составляя в конечном итоге «мнение народное».

Первая и вторая массовые сцены показывают избрание народом Бориса на царствование. Народ, «что волны, рядом ряд», падает на колени и с «воем и плачем» умоляет Бориса стать царем. Но одновременно звучат реплики-вопросы из толпы: «Нельзя ли нам пробраться за ограду?», «Что за шум?», «О чем там плачут?» Люди находятся в неведении о происходящем, что, впрочем, их не слишком волнует: «А как нам знать? то ведают бояре. Не нам чета».

Действие здесь приобретает комический оттенок. Характерно, что в сцене на Девичьем поле дана лишь та часть толпы, которая не сумела попасть за ограду и потому очевиднее демонстрирует непонимание происходящего, выявляет фактическое неучастие народа в избрании царя. Так, чтобы подключиться к всеобщему вою и плачу, баба бросает замолчавшего ребенка «об землю». Ребенок «пищит», а та довольно восклицает: «Ну, то-то же».

Не понимая происходящего, люди подражают тому, что делают другие:

Один

Все плачут.
Заплачем, брат, и мы.

Другой

Я силюсь, брат,
Да не могу.

Первый

Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

Второй

Нет, я слюней помажу.
Что там еще?

Первый

Да кто их разберет?

Диалог этот находится в комическом несоответствии с последующими репликами, выражающими всеобщее ликование по поводу избрания царя:

Народ

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!

Слово «народ» не сходит с уст почти всех персонажей трагедии. Народ воспринимается боярами как грозная мятежная сила, которой, тем не менее, можно искусно управлять,

формируя народное мнение. «Искусно волновать» народ умеет Шуйский. Оппозиционно настроенный к власти Бориса Афанасий Пушкин замечает о народе:

Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Позже, Гаврила Пушкин, объясняя Басманову суть военных успехов Самозванца, произнесет:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.
Димитрия ты помнишь торжество
И мирные его завоеванья,
Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
А воевод упрямых чернь вязала?

«Всегда народ к смятенью тайно склонен», – говорит Басманов царю, сравнивая народ с «борзым конем», что «грызет свои бразды». И тут же самоуверенно добавляет: «Но что ж? конем спокойно всадник правит». Но умный Борис отвечает: «Конь иногда сбивает седока, ...Лишь строгостью мы можем неусыпной Сдержать народ». Борис с горечью подводит итог своему опыту:

Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо;
Грабь и казни — тебе не будет хуже!

Но вместе с тем становится ясно, что именно убийство царевича предопределило отчуждение Годунова от народа, в преступности Бориса кроется разгадка мучающего царя противоречия между его благими деяниями и откликом народа на них.

Ключевой в этом отношении является сцена с Юродивым, имеющая важный нравственный смысл. Только Юродивый (он «дурак», но и «святой»), пеня на своих обидчиков, может обратиться к Борису со страшными словами: «Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича». А потом, в ответ на просьбу царя молиться за него, бросает ему вслед еще более страшные слова: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит». Этими словами Юродивый выражает убийце «невинного младенца» мнение «мирского суда», за которым скоро последует и «суд Божий».

Для понимания сущности конфликта между народом и властью имеют большое значение две заключительные сцены — «Лобное место» и «Кремль. Дом Бориса. Стража у крыльца». Эти массовые сцены перекликаются с прологом. В «Лобном месте» показан момент возникновения народного бунта, но волевой импульс привнесен извне, со стороны боярина Гаврилы Пушкина, агитирующего народ против Бориса (в начале трагедии народ выслушивал дьяка Щелкалова, ратующего за Бориса). И если прежде народ отправлялся в ограду Новодевичьего монастыря умолять Бориса на царство, то на этот раз, признавая правоту Гаврилы Пушкина («Что толковать? Боярин правду молвил»), «несется толпою» с криками «вязать» и «топить». И здесь и там действия народа направляются боярами.

В последней сцене у дома Бориса, взятого под стражу, вновь звучат реплики из толпы. Несмотря на ожесточение, народ обнаруживает жалость к детям царя, именно потому, что они — дети («бедные дети, что пташки в клетке», «отец был злодей, а детки невинны»). Тем сильнее нравственное потрясение людей, когда после шума и драки в доме на крыльце появляется боярин Мосальский с сообщением: «Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили ядом себя. Мы видели их мертвые трупы».

Народ в ужасе молчит.

Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует.

Ремарка «Народ безмолвствует» — нравственный и исторический итог трагедии. Это народное мнение, которое выражается во всеобщем враждебном безмолвии. Безмолвие это фиксирует важнейшие изменения в сознании и поведении народа. Богатая смысловыми оттенками ремарка передает и колебания народ, и его страх, растерянность, протест, предвещает грядущую гибель Самозванца.